

Например, конструктивно к нашему памятнику очень близок мавзолей, превращенный в XVIII в. в церковь Николая, где была найдена надгробная надпись конца XIII в. Среди мавзолеев Булгарского городища, датируемых концом XIII и первой половиной XIV в., мы находим и такую конструктивную деталь, как пристройка у входа,—правда, не уцелевшая здесь полностью. Однако на примере сохранившейся такой пристройки у мавзолея Тура-хана проф. А. П. Смирнов воссоздает конструкцию булгарских мавзолеев. Так, он пишет: „Аналогичное устройство имело и дюрбе «Монастырский погреб», перед которым сохранилось основание небольшого коридора. Судя по аналогичным дюрбам с Башкирской АССР, этот коридор имел коробовое покрытие“.²⁶ Можно ли после этого назвать еще более близкую аналогию этим памятникам? „Что касается до наружного вида памятника,— указывает В. В. Вельяминов-Зернов,— то он по своей архитектуре напоминает те тюрбе (молельни), которые булгары возводили над могилами читимых ими мужей, которые теперь еще служат местом поклонения для набожных правоверных“.²⁷ Наконец, он прямо допускает, что памятник этот является произведением „эпохи булгарского влияния в Заволжье“, а самого покойника, опираясь на данные Шараф ад-дина Булгари, считает булгарским проповедником ислама.²⁸ Судя по характеру эпиграфического памятника внутри мавзолея, проф. А. П. Смирнов также связывает его с проповедью ислама булгарами.²⁹ В своей недавно вышедшей работе А. П. Смирнов, отмечая возможность отнесения мавзолея к булгарской архитектурной школе, датирует его XIV в.³⁰ Это вполне естественно в свете тогдашних судеб Башкирии, когда западная часть ее была под властью государства волжско-камских булгар.³¹ Все сказанное дает основание говорить не только о булгарском влиянии в создании мавзолея, но и о том, что политически и экономически сильная Булгария, играя важную роль в экономике западной Башкирии, была и религиозным центром для нее. Из сообщения Шараф ад-дина мы знаем, что булгарские духовные школы готовили немало проповедников ислама в Башкирии, среди которых много

²⁶ Там же.

²⁷ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 281.

²⁸ Там же, стр. 280.

²⁹ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 58.

³⁰ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 90.

³¹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 1. Уфа, 1955, стр. 32.

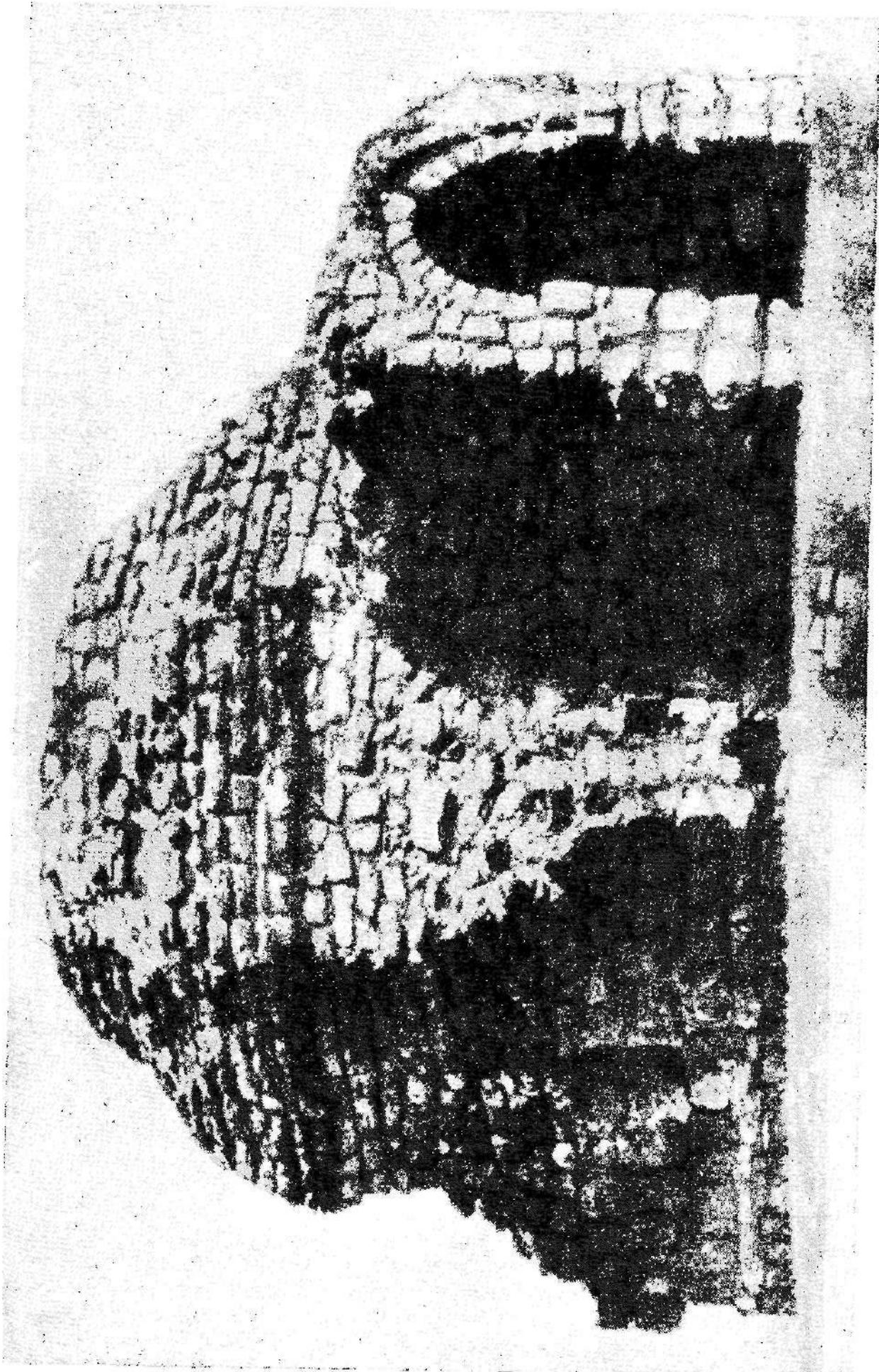

Рис. 9. Мавзолей Тура-хана.

было и выходцев из местного населения — башкир и мишар. Поэтому можно не сомневаться в том, что Хусейн-бек был булгарским миссионером, возглавлявшим в западной Башкирии мусульманскую духовную миссию. В силу этого, по-видимому, он и был с почестями похоронен на башкирском кладбище, в нарушение родового принципа пользования кладбищем. Этим объясняется, почему он снискал себе известность среди башкир как „святой“.

Нас не должен здесь смущать его „лякаб“ — фамилия „Туркестанский“ — среднеазиатского происхождения. Подобного рода фамилии, указывающие на происхождение их носителей из Средней Азии и Закавказья, дает нам булгарская эпиграфика. Так, среди найденных на Булгарском городище надгробий XIII—XIV вв. мы встречаем такие фамилии, как аш-Ширвани, аш-Шемахи, аль-Дженди, Самаркандин.³²

После всего сказанного представляется самым вероятным, что означенные памятники — как мавзолей, так и плита с надписью — произведения булгарских мастеров, созданные одновременно в 1339 г.

Наконец, позволю себе остановиться на одном ошибочном положении в рассуждениях Б. Г. Калимуллина о якобы разновременности создания мавзолея и надгробной надписи, рассуждениях, исходящих из неправильного толкования даты их сооружения вообще.³³

Приняв за первоначальный мавзолей синхронное с надписью малое надгробное сооружение, остатки которого описаны у В. Юматова, Б. Г. Калимуллин допускает, что большой мавзолей был построен позже — в XII—XIII вв. Однако трудно допустить построение мавзолея спустя продолжительное время после смерти человека, в память и честь которого он воздвигнут, при широко распространенной традиции на мусульманском Востоке³⁴ строить надгробные сооружения и памятники еще при жизни обладателей их (мавзолей Гур-и-Эмир и др.).

Подобного рода случаи изготовления надгробной надписи заранее, еще при жизни человека, нам известны на основе

³² И. Березин. Булгар на Волге, стр. 110, 115, 124.

³³ Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии, стр. 10—11.— Здесь нельзя не отметить большое упущение Б. Г. Калимуллина: он в своей работе не воспроизвел по описанию авторов XIX в. внешний облик мавзолея Хусейн-бека, ограничившись лишь воспроизведением здания мавзолея постройки 1911 г., не имеющего для нас никакого историко-архитектурного значения.

³⁴ Даже у русских — приготовление колоды (гроба).

изучения татарской эпиграфики. Красноречиво об этом говорят найденные нами в Башкирии надгробия XVII и начала XIX в. в с. Кигазы Аскинского р-на и с. Старо-Баширово Чекмагушевского р-на, в надписях которых мы читаем:

اشکای اوعلیٰ تویکىلدى بىللىكىنى
اوز باقىندا قويىدى

„Ишкая сын Туйкильди памятник этот при жизни («в свое время») воздвиг“.

اوز خىتنىدە حەط قىلوب بىع دەمىزدەين
صۈك دار فەنادىن دار بقاىە نقل قىلارى

(„При жизни своей написав, через некоторое время из мира тленного в мир вечности переселился“).

В. Юматов следующим образом описывает это малое сооружение:

“В середине здания (мавзолея, — Г. Ю.) обведен стенкою из дикого камня овал шириной в 4, длиною $4\frac{1}{2}$ аршина; высота стенки овала была, сказывают, в $2\frac{1}{2}$ аршина, теперь она развалилась не выше 3 четвертей аршина”.³⁵ Независимо от того, насколько верно указаны размеры сооружения, оно могло быть только надгробием, подобным тем, какие вообще ставились на могиле покойника в мавзолее, — оформление самой могильной насыпи, облицовка камнем и т. п. Об ограждении здесь могилы овалом говорит и А. П. Смирнов.³⁶ Это малое сооружение на могиле могли сделать даже исходя из местной традиции ограждать могильную насыпь диким камнем или кирпичом в виде овала, что много раз мы наблюдали в Татарии и Башкирии. Например, об ограждении могильной насыпи кирпичом сообщается в одной старой рукописи (XVII в.),³⁷ где повествуется о событиях в Башкирии XV и XVI вв. и о посольстве Тätäгача-бия к русскому царю Ивану IV.

تارىخ سكز يوز اون بىرده اىرىدى حان بىوردى
فوطاروب فراب ... قېرىنى كېرىپىچ بىلا اىلەندىرگەن

³⁵ В. Юматов. Древние памятники..., стр. 3.

³⁶ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 90.

³⁷ Рукопись найдена в с. Табулды Стерлибашевского р-на; находится в библиотеке БФАН СССР.

„По летосчислению в восемьсот одиннадцатом повелел хан осмотреть... Могила была обрамлена кирпичом”.³⁸

Подобное мы читаем и у В. В. Вельяминова-Зернова: „Овальною стенкою обыкновенно огораживается то пространство, где был похоронен покойник”.³⁹ Павловский же ясно описывает: „Среди его (т. е. мавзолея, — Г. Ю.)— могила, обложенная известняковым плитняком и имеющая большое протяжение от Востока к Западу”.⁴⁰ Это можно связывать и с обычаем делать на могиле насыпь из известнякового же камня, что очень характерно для татарских и башкирских кладбищ. Таким образом, нет никакой надобности строить гипотезу о двух мавзолеях, построенных в разное время. Все это — единый комплекс намогильных сооружений одного и того же времени.

Мы не рассматривали вопрос относительно боковой надписи на надгробии Хусейн-бека. На обеих сторонах плиты имеются надписи. При изучении камня на месте нам удалось зафиксировать: كار... لوم شهاده بـ; это, очевидно, обрывки стиха (на древнетюркском языке), изданного В. Юматовым.

Из его описания мы знаем, что „на других сторонах камня написано в стихах на арабском языке нравоучение, и повторено на турецком языке”; стих 1:

„Нияр касти аямлиг
Такима качар
Камуга бу улюм сагити ангар”.

Стих 2:

„Арад дунья хараби битибари
Феляябка мудаман билькаори.
Курярман дуньяни вайраня бары
Гамиша баки ирмяс йок каары”.

Перевод первого стиха должен примерно быть таким: „Что бы ни предпринималось, чтобы избежать, однако час смерти всем придет”.

Перевод второго стиха (по Али Рахиму): „Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое”.

Полностью боковая надпись не разобрана, с левой стороны она сильно побита. Однако здесь мы имеем только что приведенный стих 2, распространенный в среднеазиатском су-

³⁸ По нашему летосчислению — 1468 г.

³⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 282.

⁴⁰ П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 238.

физме и занесенный в край еще в булгарскую пору; он имеет место и на надгробиях XVI и XVII вв.

В 1954 г. в поселке Красный Ключ, в 800 м от с. Чишмы, нами были извлечены и доставлены в ИИЯЛ, а после в Краеведческий музей обломки каменного надгробия, обнаруженного нами в 1953 г. (табл. 9).

Расколотый более или менее равномерно на 8 частей, надгробный камень этот был использован как фундамент фуражного склада.⁴¹ По рассказам местных жителей, он был доставлен с ближайшего заброшенного кладбища, расположенного всего в 700—800 м к западу от с. Чишмы, где раньше подобных надгробий было много. На кладбище приходили поклоняться „своим дедам“ крестьяне соседней дер. Илькаш (по-старому Сарт-Хасаново). Размером 200 × 64 × 29 см, высеченное из серого известняка, надгробие на лицевой стороне имеет остатки рельефного куфического письма, сохранившегося неповрежденным лишь в верхней части — одна строка под аркой, состоящая из традиционной формулы, обычной для булгарской эпитафии конца XIII и первой половины XIV в.

Как вообще на булгарских эпитафиях II стиля, формула высечена в тимпане арки в виде декоративной эпиграфической композиции, с четко выделяющимися стволами алифов и ламов. В остальной части надпись сбита, и только по оставшимся следам можно восстановить ее, исходя из известных вариантов текста булгарских эпитафий. Палеографически надпись является типичным проявлением так называемого булгарского куфи с диакритическими знаками и со знаками чтения.

Далеко не полностью восстановленный текст ее из десяти строк гласит следующее:

- (1) هَوْلَى الَّذِي لَا يَمْوُت
- (2) وَ[كُلُّ حَيٍ سَبِيلُهُ إِلَّا]
- (3) مَوْشٌ [أَوْلٌ . . . بُلُوي]
- (4) كُرْدَمَةُ اللَّهِ عَلَيْهِ رَحْمَةٌ
- (5) وَ[سَعْةُ دِنَارٍ سَفَرٌ —]

⁴¹ Г. В. Юсупов. Отчет по исследованию эпиграфических памятников Чишминского района БАССР летом 1953 г., стр. 19. (Рукопись; хранится в ИИЯЛ БФАН СССР).

.....	6) وي تاريخ
.....	(7)
.....	[أ] [ع]
.....	[شوال]
.....	(9)
.....	(10)

- „1) Он живой, который не умирает,
 2) и все живое умрет [Ал-
 3) мұша]⁴² сы[на . . . . . памят]
 4) ник [да будет милость бога над ним милостью]
 5) об[ширною; из мира пересе]лил-
 6) ся. По летосчислению . . . . .
 7)
 8) м[есяца]
 9) [шаввালя]
 10) . . . . .“

В верхней части левой боковой стороны имеется мелкая надпись, выполненная врезанным куфи:

(1) سُلَامُشْ بُوَارِي

(2) جَرَّةْ كَنْ

- 1) „Суламуш йувāрī
 2) . . . . .“?

На боковых гранях имеются мистического содержания надписи на арабском языке, выполненные рельефным куфическим шрифтом. Левая сторона:

اصْبِرْ عَلَى اهْوَالِهَا لَا يَمُوتْ لَا بِالْاَجْلِ (так!)

„Самый терпеливый к опасностям здешней жизни — не умирает без (раньше) предельного (срока).“

Правая сторона:

الْمَوْتُ يَأْتِيكَ إِذْ أَنْتَ تُخْرِجُ الْقَبْرَ [صندوق العسل]

„Смерть (тебя) известит (о) сроке, а могила [есть сундук деяний]“. Надпись эта напоминает остаток надписей на боко-

⁴² Это имя допускается предположительно на основании уцелевшей лигатуры مُو (mū).

вых сторонах одной булгарской эпитафии XIV в. из Булгарского городища (табл. 39).

В тексте надписи этого надгробия есть слова, типичные для языка булгарских эпиграфических памятников II стиля (конца XIII и первой половины XIV в.) и не встречающиеся больше нигде: **أول** 'сын', **بُلْوَى** 'памятник', **طَنْرُوِي** (перевод см. стр. 85), **يَعْ** 'месяц' и титульное слово **يَوْارِي** 'военный муж'.

Таким образом, судя по всему, перед нами типичный образец булгарских эпиграфических памятников II стиля конца XIII и первой половины XIV в. Из-за сильных повреждений строк определить точнее дату не представляется возможным.

В 500—600 м к западу от поселка Красный Ключ, на месте, называемом Сынташ, раньше стояли два надгробия, бывшие в недавнем прошлом объектами поклонения. От этих надгробий теперь остался лишь зафиксированный весьма искаженно текст одного из них. Текст был переписан в 1909 г. уфимским муфтием и его свитой, приехавшими сюда с целью их обследования, и опубликован в органе Мусульманского духовного собрания — журнале „Ма’лумат“.⁴³

(1) الْحَمْ لِلَّهِ	(Так!)
(2) هُوَ الْحَمْ الَّذِي لَا يَمُوتُ	
(3) الْحَكْمُ لِلَّهِ عَلَى الْكَبِيرِ	
(4) حَبِيبُ اولی مسعود	
(5) مرحوم .... اکی حا	
(6) طُور زبرت کا رحمہ	
(7) اللَّهُ عَلَيْهِ رَحْمَةٌ وَاسْعَافٌ	
(8) وفات نلطوت	
(9) تاریخ حیات حوروم	
(10) طر بیر جال رجب ای	
(11) ورت کوات	

⁴³ Журнал „Ма’лумат“, 1909, № 35, Оренбург, стр. 854—855.

Приводятся и боковые надписи памятника:

اصبر على اهوالها لا يموت الا بالاجل (так!)

الموت يأتيك الخبر والقبر صدق العمل (так!)

точно такие же, как и на только что описанном памятнике из пос. Красный Ключ.

Считая неправильно прочитанный термин **نَاطُوت** буквенным выражением даты смерти покойного ($\zeta=400$, $\text{ل}=6$, $\text{ب}=9$, $\text{و}=30$, $\zeta=400$, $\text{نَاطُوت}=845$), памятник датировали 845 г. хиджри, т. е. 1441—1442 гг.

Чтение это содержит массу ошибок, особенно в дате. Так, слово **بِلَطْوَى** ‘быть’, часто встречающееся на булгарских памятниках II стиля XIII—XIV вв. и указывающее на совершенное действие совместно с употреблявшимся термином **وَفَاتَ** (так же, как и в данном случае), принято за дату в буквенном ее выражении (восьмая строка), тогда как сами булгарские числительные **جِيَاتِ جُورِ... جَالِ** (‘семьсот ..... году’) (девятая строка) оставлены без расшифровки. Отсюда и ошибочная датировка памятника XV в., когда подобной формы булгарские эпитафии — с ротацией (**جَوْر** вместо **جَوْز**), исполненные куфическим шрифтом, — уже не встречаются нигде. Первые три и седьмая строки текста состоят из коранических формул, характерных (за исключением первой из них) для многих булгарских эпитафий. Формула же **الْحَمْدُ لِلّٰهِ**, зафиксированная здесь неточно, встречается впервые. В четвертой строке указываются имя и отчество покойного — Хабиб сын Масгуда, звучавшие, однако, довольно современно. Здесь неточно, искаженно (тоже совсем по-современному) зафиксировано и слово **وْلِي** ‘сын’, которое на булгарских эпитафиях,

так же как и на разбираемой, пишется в виде **أَوْلِي**. Пятая и шестая строки, кроме слов **مَرْجُونٌ** и **أَوْلِي**, остаются непонятными. Однако правильность первого из этих слов сомнительна, ибо его мы никогда на булгарских эпитафиях II стиля не встречали. Девятая, десятая и одиннадцатая строки содержат

дату смерти покойника, которые, исходя из написания их на булгарских эпитафиях II стиля, вернее было бы представить:

- نَارِيْحُ جَيْمَاتِ جُورُو (9)
طَرَبِير جَالِ رَجَب اِيْعَ (10)
كُوانَ [اَت] .... (11)

После всего сказанного перевод текста мы можем написать следующим образом:

- 1) Хвала богу.
- 2) Он живой, который не умирает.
- 3) Верховный суд принадлежит богу великому.
- 4) Хабиба сын Масгуд,
- 5) покойный . . . . .
- 6) . . . [место его погребения] . . . да будет милость
- 7) бога над ним милостью обшириою.
- 8) Умер
- 9) по летосчислению в семьсот трид-
- 10) цать первом году, раджаба месяца
- 11) . . . . . день [то было].

Подобный текст с его архаизмами в языке является одним из характернейших вариантов для II стиля булгарских эпитафий конца XIII и первой половины XIV в.

Таким образом, на небольшой территории вблизи с. Чишмы имеются остатки нескольких древних кладбищ с булгарскими эпитафиями на них, идентичными тем, что имели распространение до середины XIV в. в Булгарии.

В настоящее время можно указать и на более ранние булгарские археологические памятники в Башкирии, подобные тем, какие мы видим на Волге (Кайбельский и Тарханский могильники); такими же считаются Уфимский могильник VII—VIII вв. н. э. и Левашовский могильник (VIII—IX вв. н. э.) у Стерлитамака, относимые рядом авторов к Салтовской культуре, связанной с булгарами.⁴⁴

⁴⁴ А. П. Смирнов, Н. Я. Марперт. 1) Археологическая экспедиция на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции в 1952 г. Вестн. АН СССР, 1953, № 1, стр. 61; 2) Археологические исследования Куйбышевской экспедиции. Вестн. АН СССР, 1954, № 4, стр. 65; 3) Вопросы этногенеза народов Поволжья, стр. 52—53; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ Стерлитамака, Сов. археолог., т. XXII, 1955, стр. 156;

К числу булгарских следует отнести и Кушуловский могильник в Башкирии (Дюртюлинский р-н), найденный А. П. Шокуровым и раскопанный в 1958 г. И. Эрдэй, который датировал его IX в. Мусульманский обряд захоронения и обнаруженное в единственном числе височное кольцо с полой грушевидной вставкой позволяют датировать могильник несколько более поздним временем — X в.⁴⁵ На основании наличия на ряде городищ красной булгарской керамики и других материалов А. П. Смирнов определенно говорит о проникновении булгар в Башкирию и о большом значении их в „истории башкир золотоордынского периода“.⁴⁶

О раннем обитании в Башкирии булгар свидетельствует и наличие в языке современных мадьяр, как уже отмечалось выше, термина *belyeg* ‘клеймо’, ‘знак’, который почти в таком чтении (*бälüйикї*) встречается только на булгарских эпитафиях (почти на всех XIII—XIV вв.),⁴⁷ в том числе и на вышеописанном надгробии из поселка Красный Ключ у с. Чишмы (табл. 9). Можно смело сказать, что мадьяры могли обрасти этот термин, только соприкасаясь с булгарами до их переселения из пределов Приуралья на Дунай. Исходя из наличия в мадьярском языке булгарских слов, Б. А. Серебренников делает предположение о раннем проникновении булгар на территорию Башкирии, так же как на территорию современной Татарии.⁴⁸ Нельзя здесь не вспомнить и то, что одна из групп башкир носит название *бörъян* (*бурзян*), которое, возможно, следует сопоставлять со словом بورجەن. Этим словом восточные авторы называли дунайских булгар.⁴⁹

Проф. С. И. Руденко отмечает факт проникновения в юго-западную Башкирию в VII—VIII вв. булгар, „часть которых вошла в состав башкирского народа (Бюлярский и Байлярский башкирские роды)“.⁵⁰

А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 48, 66—67; И. И. Ляпушкин. Памятники Салтово-Маяцкой культуры. Матер. и исслед. по археолог. СССР, вып. 62, 1957, стр. 148.

⁴⁵ И. Эрдэй. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв. Л., 1959, стр. 13. (Автореферат канд. диссертации).

⁴⁶ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 99, 100.

⁴⁷ Русско-венгерский словарь. Состав. Х. С. Хаас. М., 1947, стр. 127.

⁴⁸ Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка, стр. 44.

⁴⁹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей..., стр. 13.

⁵⁰ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 329.

Наконец, характерный для западных башкир и татар джокающий говор своим происхождением обязан, очевидно, булгарам. О раннем появлении джоканья в языке башкир говорит наличие на башкирском надгробии начала XVIII в. (в с. Чишмы Чишминского р-на) числительного *جى* 'семь' наряду с башкирским *бъя*, 'тридцать'.⁵¹ Значительную степень джоканья в языке как башкир, так и татар в северо-западной Башкирии отмечает и Л. Т. Махмутова, занимавшаяся диалектологическими исследованиями в этих частях Башкирии.⁵² Все это позволяет с уверенностью говорить об обитании с древнейших времен на территории Башкирии булгар, оставивших нам культуру, пока еще очень мало исследованную.

Однако, кроме эпиграфического материала и кладбищ, сведения о поселениях древних булгар на территории нынешней Башкирии мы могли бы почерпнуть из археологических данных. Организация специальных исследований в этом направлении несомненно еще больше обогатит нас подобными материалами.

Если булгарское население на территории современной Татарии являлось предками казанских татар, а в Удмуртии, где всего-навсего существовала торговая фактория булгар, от них произошли нукратские татары, то возникает вопрос: кто наследник булгар на территории Башкирии, в кого они впоследствии исторически воплотились? В этом отношении вызывает интерес происхождение уфимских татар, которых в исторической литературе считают пришедшими из пределов Казанского ханства после присоединения его к Русскому государству. Конечно, этот факт нельзя отрицать, тем более что подтверждение ему мы находим в многочисленных эпиграфических памятниках XVII в. на западе Башкирии, как две капли воды сходных с такими же памятниками на современной территории Татарии (табл. 73, 74). Однако нет сомнения и в том, что какая-то часть уфимских татар, — кроме тептярей и пришлых мишарей, очень близких в этнокультурном отношении с казанскими татарами, — являются потомками тех булгар, о памятниках которых говорилось выше. В этом свете важное значение приобретают зафиксированные нами в западных районах Башкирии так называемые „джиенные

⁵¹ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники..., стр. 54.

⁵² Материалы экспедиции 1954—1957 гг. в районы сев.-запада Башкирии, организованной Казанским филиалом АН СССР, под руководством Л. Т. Махмутовой. (Рукопись; хранится в ИЯЛИ КФАН СССР).

округа”,⁵³ т. е. празднование того или иного „дзиена“ одновременно несколькими селами, сходное в этом отношении с празднованием „дзиенов“ казанскими татарами (что признано пережитком их родоплеменной организации — собрания рода, племени). Если допустить, что татарское население здесь только пришлое, то никак нельзя допустить, что при их переселении — ломке их общественной связи — сохранились „дзиенные округа“. Это тем более трудно допустить, что переселение, надо полагать, продолжалось в течение долгого времени. Поэтому наличие в общественной жизни уфимских татар подобных же „дзиенных округов“, по-видимому, есть результат длительного пребывания их здесь, т. е. доказательство происхождения их от местных предков — булгар.

Говоря о языке башкир северо-западных районов БАССР, башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев указывает на „отатаривание“ их разговорного языка, обусловленное историческими причинами, в частности, длительным („в течение нескольких веков“) и сильным влиянием на них татар.⁵⁴ Роль булгар в этно-культурном процессе в этой части Башкирии отмечает и проф. С. И. Руденко, подчеркнувший сильное влияние татар на башкир, приведшее даже к изменению физического облика последних.⁵⁵ Во время работы в Башкирии в 1952—1958 гг. мне приходилось несколько раз бывать в западных и северо-западных районах республики, где в процессе полевых исследований я не видел в материальной и духовной культуре башкир чего-либо типично башкирского. Почти все здесь татарское. И сами же башкиры называют себя *без теленнен язган башкорт* ‘башкиры, лишившиеся языка’.⁵⁶ Эти глубокие изменения в их языке, физическом облике и быте, приведшие к исчезновению на указанной территории всего башкирского, представляют собой не только результат влияния казанских татар, переселившихся сюда несколько веков назад, но имеют более глубокие исторические корни, восходящие к булгарам в Башкирии и к их потомкам. Естественно, что башкиры, испытавшие в давнее время влияние булгар, а в последние века жившие бок о бок с поселившимися здесь казанскими татарами, неизбежно должны были оттариться, так же как часть местных финно-угров была обулгаризована или позднее оттарена на современной территории Татарии и Чувашии.

⁵³ Дзиен — по-татарски и по-башкирски буквально ‘собрание’.

⁵⁴ Ж. Киекбаев. О башкирских диалектах. Журнал „Учитель Башкирии“, 1957, № 7, Уфа, стр. 11. (На башкирском языке).

⁵⁵ С. И. Руденко. Башкиры..., стр. 339—340.

⁵⁶ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники...

Немного о финно-уграх Башкирии и о мишарях.

Попутно с эпиграфическим материалом во время поездок по западным и северо-западным районам мною собраны и некоторые сведения историко-этнографического характера. В результате неоднократных поездок по этим районам (Кушнаренковский, Чекмагушевский, Дюртюлинский, Илишевский, Бузякский, Чишминский, Мишкинский, Байкибашевский, Аскинский, Балтачевский, Бураевский) мною обнаружено явление, аналогичное тому, какое имеет место в северо-западных и восточных районах ТАССР (Заказанье), т. е. наличие при многих селах мест, называемых „черемисскими кладбищами“, а в составе населения сел — „черемисских родов“ (*чирмеш нэселе*), даже „черемисских улиц“ (*чирмеш очы*). Явление это безусловно не случайное. Факт этот в Татарии (в северных районах) исторически объясняется тем, что булгарское население сначала постепенно, а в XIV в. довольно интенсивно проникало на эту территорию и вытесняло марийские племена. Особенно массовое переселение с основной территории Булгарского государства — из Закамья — произошло после разгрома Булгара золотоордынским темником Булат-Тимуром в 1361 г., когда Закамье несколько запустело. Основная масса марийского населения переместилась на север, в нынешние марийские леса; часть его, оставшаяся на месте, ассимилировалась среди пришлых булгар, а впоследствии их потомков — казанских татар.

Трудно пока говорить утвердительно о происхождении „черемисских кладбищ“, об этом может быть сказано только в результате проведения археологических раскопок, однако очень возможно, что мы здесь имеем следы дотюркского финно-угорского населения.

Естественно возникает вопрос: кто же оставил эти многочисленные кладбища на такой значительной территории? Если мари, то можем ли мы допустить, что с началом проникновения в эти края тюркских волн с юга они так же, как и на территории Булгарии, отходили постепенно на север и уцелели компактной массой лишь на северо-западе — в Мишкинском, Бирском и Калтасинском р-нах? Хотя историки считают, что они переселились сюда с запада в недавнем прошлом, однако очень возможно, что здесь имеется и древний пласт этого населения. В этом свете представляет интерес донесение пермского воеводы о возмущившихся „черемисах вместе с остяками, башкирами и буинцами“. В ответ на это донесение Иван IV в своей грамоте от 6 августа 1572 г. приказывает воеводе „воевать наших изменников, черемису,

остяков, вотяков, ногаев, которые нам изменили. А которые будут черемисы или остыки добры, захотят к своим товарищам приказывать, чтобы они от воров отстали и нам прядмили, — таких вы не убивайте и берегите их, и мы их пожалуем...”⁵⁷ Сообщение не оставляет сомнения в том, что еще в XVI в. мари обитали где-то близко к остыкам и башкирам.

Наконец, не исключена возможность, что кладбища эти тогда принадлежали ушедшим мадьярам и названы были „черемискими“ (*чирмеш зийараты*), так как для местных мусульман всякое немусульманское, языческое есть „черьмиское“ (*чирмеш*). Раньше широко было принято называть *чирмеш* тех, кто не соблюдал предписанных исламом обычаяв, обрядов, т. е. проявил себя „неверным“. Именно потому к этим кладбищам крестьяне-мусульмане водили раньше своих больных лошадей, полагая, что кони, якобы услышав из-под земли стоны мучающихся язычников, „исцеляются“. Здесь кстати упомянуть о нахождении нами в 1956 г. в этих районах, а А. П. Шокуровым в нижнем течении р. Белой большого числа городищ и селищ с керамикой типа Бахмутинского могильника.

В свете всего этого приобретает интерес предположение А. В. Шмидта о принадлежности бахмутинской культуры, широко распространенной на западе и северо-западе БАССР, мадьярам, ушедшим из пределов Приуралья на Дунай.⁵⁸

Общеизвестная этническая пестрота в указанных районах выражается не только в наличии сел с тюркским, русским и финским населением, но и в том, что самые села с преобладающим тюркским населением подчас бывают заселены (особенно в Чекмагушевском, Кушнаренковском и Илишевском р-нах) в различных вариантах несколькими этническими группами — башкирами, тептярями, мишарями и тэмэнами (*тёмän*), которые все себя называют татарами. Часто бывает так, что один конец села заселен башкирами, а другой — тэмэнами и даже еще кем-либо третьим — местными мишарями или тептярями.

Группа населения, именуемая *тёмän*, которую башкирские историки связывали с тюменскими татарами Сибири, на самом деле является некогда прившим из Пензенской и Тамбовской губерний населением — темниковскими татарами — и никакого

⁵⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VI, стр. 310, 311; Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.—Л., 1937, стр. 338.

⁵⁸ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР, стр. 25, 26. Журнал „Хозяйство Башкирии“, 1929, № 8—9, Уфа, стр. 15, 26.

Рис. 10. Надгробный памятник (1804 г.) князя Мусы Еникеева из с. Ст. Баширово Кушнаренковского р-на БАССР.

отношения к сибирским (tüменским) татарам не имеет. В башкирской исторической литературе они значатся как мишари, из числа которых и были служилые люди, мурзы, во время народных движений всегда выступавшие на стороне царского правительства, за что бывали наделены землями, всевозможными наградами и отличиями. В нашем эпиграфическом материале мы их встречали в лице князей и мурз Еникеевых из с. Ст. Баширово (Кушнаренковский р-н, рис. 10).

Физически крепкие, рослые, тэмэны в языковом, диалектальном отношении почти ничем не отличаются от местных татар, хотя раньше, как рассказывают старики-башкиры, язык их отличался наличием русских элементов, т. е. это был мишарский диалект. Отношения их с башкирами и местными, так называемыми мишарями, раньше были очень недружелюбны: смешанные браки между ними происходили крайне редко, порой эти натянутые отношения выливались даже в открытые столкновения.

Выше мы среди этнических групп башкир, тэмэнов, тептярей указали и так называемых местных мишарей. Что же из себя представляет эта группа населения? Сами они себя считают исконно местным населением. Говорят на татарском языке. Были в хороших отношениях с башкирами, с которыми, в противовес тэмэнам, тесно общались при помощи брачных уз, и в пору земельных неурядиц с тэмэнами всегда становились на сторону башкир. Так, в некоторых селах раньше тэмэны составляли одно общество, а мишари с башкирами — другое; каждое возглавлялось своим старостой. Погребали они своих покойников на различных кладбищах. Как выше было сказано, этнически эти мишари (*شىڭىز راشىلە*), очевидно, были известны и в булгарское время, о чем сообщает Шараф ад-дайн, указывая на факт обучения башкир и мишар в духовных школах Булгара.⁵⁹

Таким образом, мы здесь имеем мишарей двух родов: тэмэны — мишари, пришедшие с запада, и так называемые местные — „башкирские мишари“, ныне сосредоточенные в Кушнаренковском, Чекмагушевском и Илишевском р-нах. Как сообщают, раньше эти мишари от тэмэнов отличались одеждой, т. е. пестротой и обилием металлических украшений. В этом отношении представляет интерес сообщение научного сотрудника Музея народов СССР в Ленинграде Т. А. Крюковой о наличии в фондах этого музея двух различных по характеру мишарских коллекций из Башкирии: одна „более тюркская“,

⁵⁹ Шараф ад-дайн Булгари. История Булгари, стр. 19.

другая „более финская“. В топонимике западной Башкирии ныне мы встречаем такие названия, как Межеры, Мещерово, Можарово. Эти названия, встречающиеся, кроме того, в целом ряде мест Волжско-Камского края, по утверждению проф. С. П. Толстова, являются разновидностью одного и того же этнонима мадьяр.⁶⁰ Проблему русской мещеры он связывает с проблемой мишарей и, как пишет Т. А. Трофимова, „допускает, что татары и мещеры были одним племенем мажар, ответвлением которых являются современные мадьяры Венгрии“.⁶¹

Теперь становится возможным предположить, что так называемые местные мишари (или башкирские мишари, если так можно их назвать) являются потомками той части мадьяр, которые остались на месте, т. е. не переселились на Дунай, и здесь подверглись отюречению и мусульманизации. Как известно, еще в XIII в. венгерский монах Юлиан, приехавший в Приуралье специально к своим соплеменникам, обнаружил, что они говорят на его родном наречии.

Возвращаясь к вопросу о булгарах в Башкирии, следует отметить, что культура их, по-видимому, отличалась от культуры волжских булгар. Правда, она еще совершенно не изучена в Башкирии. К тому же нам ничего не известно о существовании государства булгар на этой территории, ибо, по словам проф. А. П. Смирнова, „они не сумели подчинить местные племена и образовать союз племен“. Это объясняется прежде всего тем, что проникновение булгар в Башкирию происходило небольшими группами.⁶² Естественно, что количественно небольшое, медленное просачивание не могло способствовать компактному сосредоточению булгар в Башкирии. В силу этого они остались там распыленными, как бы вкрапленными среди других этнических групп, в частности мадьяр и башкир. Если, смешавшись с первыми, они породили особую группу вышеуказанных „башкирских мишарей“ аборигенного происхождения, то, войдя в состав башкир, они образовали бюлярский и байлярский роды, сосредоточенные в нижнем течении р. Белой,⁶³ наподобие того, как, согласно легенде, юрматынское племя башкир происходит от мадьяр. В этом отчетливо проявляется общность культуры и языка

⁶⁰ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья. М.—Л., 1949, стр. 123.

⁶¹ Там же.

⁶² А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 70.

⁶³ С. И. Руденко. Башкиры..., стр. 48 (см. карту родовых групп и земельных башкирских дач).

туркского населения западной Башкирии с казанскими татарами на территории Татарии.

Так представляется нам, по очень скучным данным, судьба булгар и мадьяр в Башкирии, пока совершенно не изученная.

Само собой разумеется, что все эти, пока гипотетические, положения заслуживают пристального внимания историков, археологов, этнографов и лингвистов. Только комплексное изучение в широком плане разноплеменного населения этих районов в дальнейшем даст возможность более уверенно судить об их происхождении.

Татарские надгробия XV века

Количество памятников XV в. незначительно по сравнению с другими из хронологической лестницы нашей классификации. Качественно они резко выделяются среди остальных, т. е. памятников XIII—XIV и XVI вв. Это мы связываем исключительно с теми историческими событиями, которые во второй половине XIV и первой четверти XV в. вызвали в Булгарском государстве значительные изменения социально-экономических условий, наложившие печать оскудения и на культурную жизнь этого периода.

По своим размерам памятники XV в. несколько уступают булгарским. Особенно уменьшилась их толщина, доходящая на некоторых до 11.5 см. Среди них мы видим такие:

Толщина	Ширина	Длина
11.5 см	44 см	111 см
18 "	38 "	120 "
14 "	48 "	110 "
20 "	59 "	110 "

Несмотря на малое их число, надгробия эти очень разнообразны по форме верхнего конца, как и вообще по внешнему облику. Есть прямоугольные (табл. 52), стрельчато-арочные (54, 56) и полукруглые.

Под аркой в большинстве случаев высечена традиционная для булгарских надгробий формула:

وَاللَّهِ لَا يُؤْمِنُ (табл. 54, 56).

В двух случаях (табл. 51, 52) под аркой вырезана шестиконечная звезда, так называемый „Давидов щит“, такого же характера, как и на булгарском надгробии второй половины

XIV в. (табл. 44). Мотив шестиконечной звезды довольно широко представлен в материальной культуре булгар — в керамике, монетах,¹ декорировке архитектурных памятников.² Применение ее в архитектуре периода Казанского ханства видно из фрагмента гипсовой облицовки, найденного в Казанском кремле XV—XVI вв. (собрание Государственного музея ТАССР, № 5364-6). Характерна она и для архитектуры Средней Азии, для ее ранних памятников — резных алебастровых панелей Африасиаба, а на памятниках XIV—XV вв. — мечети Тимура-Биби-Ханым, медресе Улуг-Бека и других — она является обязательным орнаментальным компонентом.³

В татарском народном искусстве мотив этой звезды в различных ее трактовках характерен для вышивок.⁴ Мы ее видим и во фрагменте архитектурного декора, найденном во время раскопок Казанского кремля.⁵ Встречается она и на позднейших татарских надгробиях XIX и начала XX в. Этот орнамент, имеющий глубокие местные корни, заставляет вспомнить ранних соседей булгар — хазар, с которыми его связывает проф. А. П. Смирнов (керамика из раскопок Булгара в 1951 г.).

Чрезвычайно разнообразны памятники XV в. по своему бордюрному украшению. С одной стороны, здесь встречается обрамление текста надписи полоской (табл. 54), подобно тому, что мы видели на булгарских памятниках; с другой — на них появляется „виноградная лоза“ (табл. 56), типичная для бордюра татарских памятников XVI в. и даже позже. Исключением является памятник из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР (текст 3), где основной текст надписи окаймлен рельефно высеченной арабской вязью; это несколько напоминает надгробия из мавзолея Тимура „Гур-и-Эмир“,⁶ а также надгробия начала XIX в. с кладбища г. Балаханы Азербайджанской ССР.⁷ Это пока единственный в своем роде памятник в бул-

¹ А. Б. Булатов. Альменский клад XIII века. (Рукопись).

² Казанский музейный вестник. 1920, № 5—6, стр. 65; Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIX, 1914, вып. 5—6, стр. 207, табл. III.

³ И. А. Сухарев. Два блюда XVI в. из Самарканда. Тр. Инст. ист. и археолог. АН Узб. ССР, т. I, 1948, стр. 60.

⁴ П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 14.

⁵ Н. Ф. Калинин. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. Изв. КФАН СССР, вып. 1, сер. гуман. наук, 1955, стр. 118.

⁶ А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 49—62, рис. 1 и 2; III, М.—Л., 1949, стр. 45—54, рис. 1, 2, 5.

⁷ Фототека отдела Востока Гос. Эрмитажа; азербайджанские снимки №№ 7536, 7537.

гаро-татарской эпиграфике. Имеются памятники также и без бордюрного украшения (табл. 51, 52). Остановимся подробней на некоторых бордюрных орнаментах: ячеистом орнаменте, состоящем из треугольников и ромбов (табл. 53), джуте — тройном плетении (рис. 11) — и двойном плетении.

Ячеистый орнамент на памятниках из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на представляет собой полосу шириной 5—6 см, составленную из треугольников, обращенных друг к другу вершинами; между ними помещены ромбики, стороны которых равны сторонам треугольников. Они тянутся цепочкой, заполняя промежутки между треугольниками. Почти такой же орнамент мы обнаруживаем на художественно сотканных татарских полотенцах.⁸ Этот характерный для татарского искусства узор имеет древнее происхождение. Орнамент из треугольников зафиксирован нами на надгробии XVI в. (табл. 59) с того же кладбища с. Тат. Ходяшево. Кстати, скажем пару слов об этом надгробии, несколько забегая вперед. Вариант этот представляет собой зигзагообразную рельефную полосу на бордюре памятника, шириной в три сантиметра, образованную двумя рядами врезанных равносторонних треугольников.

Довольно древний аналог к этому мотиву — „елочный“ орнамент — мы видим на браслете бронзовой эпохи из музея Академии наук Узбекской ССР. М. Э. Воронец, описавший браслеты этой эпохи, подобный орнамент считает „обычным, очень распространенным в среднюю пору бронзовой эпохи в степных культурах юго-восточной Европы, Западной Сибири, Казахстана и северной части Средней Азии“.⁹

Довольно близким вариантом описанного нами узора из треугольников является подобный треугольный орнамент, но с ломаной линией, идущей посередине зигзагообразной полоски. Мотив этот известен на античных памятниках Хорезма (статуэтки архаического стиля из городища с жилыми стенами — Джанбас-кала и Беркут-кала), относящихся к середине I тысячелетия до н. э.¹⁰ Этот же мотив украшает венчик глиняного сосуда из Кескен-куюк-кала — из комплекса так называемых „болотных городиц“ северо-восточного Хорезма, со-

⁸ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 280, рис. 51.

⁹ М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи музея Академии наук Узб. ССР. Тр. Инст. ист. и археолог. АН Узб. ССР. т. I, Ташкент, 1948, стр. 65.

¹⁰ С. П. Толстов. 1) По следам древнехорезмийской культуры, стр. 92; 2) Древний Хорезм, табл. 72, рис. 6, 8.

Рис. 11. Орнамент бордюра памятника (XV в.?) из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР.

зданных в середине I тысячелетия н. э. „народом, по происхождению тесно связанным с сармато-аланскими и массагетскими племенами“.¹¹ В культуре средневекового Хорезма этот орнамент известен из фрагментов штуковой облицовки дворца городища Кават-кала (XII—XIII вв.).¹² Ныне он характерен для народного искусства казахов.¹³

Такой же орнамент был обнаружен на сфероконусе, найденном в 1898 г. в Булгаре (хранится в Государственном музее ТАССР, № 2316), на боевом топоре из коллекции Заусайлова и др. Проф. А. П. Смирнов отмечает типичность этого мотива для края: „орнамент, имеющийся часто на вещах местного производства в Булгарах и в Закамье в эпоху X—XI вв. н. э.“.¹⁴

Сюжет этого треугольного орнамента является характерным и для русского прикладного искусства. В частности, об этом орнаменте проф. А. В. Арциховский пишет: „Такой узор в разные времена находил разное применение. Он известен на медных вятических курганных решетчатых перстнях XII—XIV вв., на каменных стенах новгородских церквей XIV—XV вв. и т. д. Доныне он применяется на деревянных кустарных изделиях. На русских надгробных памятниках он господствует в первой половине XVI века“.¹⁵

Из всего сказанного, по-видимому, становятся ясными древнейшие корни этого орнамента, а быть может даже пути его распространения, обусловленные тесными культурно-экономическими отношениями булгар с Хорезмом, с одной стороны, и Древней Русью, с другой, как в домонгольский период, так и после него.

Бордюрный орнамент в виде тройной плетенки (надгробие из с. Ср. Аты Арского р-на, см. рис. 11) встречается также и в булгарской архитектуре. Вариант его, усложненный вписанием в это плетение трилистников, имеется на фрагменте облицовки „Четыреугольника“ (XIV в., собрание Государственного музея ТАССР).¹⁶ Мотив этот, характерный для декора-

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской культуры, стр. 210, 213.

¹² С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм, стр. 163, табл. 67, рис. 2; 2) По следам древнехорезмийской культуры, стр. 279.

¹³ Казахский народный орнамент. М., 1939, табл. VI, рис. 15.

¹⁴ А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. Тр. Гос. истор. музея, М., 1940, вып. 9, стр. 99.

¹⁵ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. Сб. „По трассе первой очереди Московского метрополитена“, М., 1936, стр. 160.

¹⁶ Казанский музейный вестник, 1920, № 5—6, Казань, стр. 44; П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, стр. 6.

тивного убранства многих архитектурных памятников Средней Азии, типичен и для славянского искусства — болгарского (XI в.),¹⁷ русского и др. Например, близок к нему орнамент на остатках богатой русской женской одежды из Владимирского кургана (XI—XII вв.),¹⁸ а позже на заставке Шестиднева XV—XVI вв.¹⁹ Двойная плетенка на бордюре надгробия из сел. Тат. Азелей Нурлатского р-на и Урывкино Пестречинского р-на (табл. 55) также имеет аналоги в булгарском прикладном искусстве. Мотивы ее в русском искусстве мы видим на заставке Апостола XIII в.,²⁰ где представлены всевозможные варианты плетенок.

Надпись на боковой стенке обнаруживается только на одном надгробии XV в. Из-за плохой сохранности содержание этой надписи остается неизвестным. По-видимому, это традиционная формула, что видно из еле заметных слов — ..... الموت باب، كل الناس... Смерть есть врата и все люди...».

В палеографическом отношении надписи XV в. в значительной степени уступают булгарским. Здесь мы, так же как в отношении орнаментации и форм памятников, отмечаем разнообразие в стиле почерка их. Следует подчеркнуть, однако, что наряду с различными не каллиграфическими, подчас скорописного типа, почерками (табл. 51, 52, 53, 55) мы находим близкий аналог рельефного почерка булгарских надгробий I стиля (на памятнике из городища Иски-Казан, табл. 54),²¹ что несомненно является отзвуком, пережиточным элементом булгарской эпиграфики XIII—XIV вв. Среди немногих таких памятников легко найти также рельефный почерк (табл. 56) — прототип рельефного сульса, как принято в краеведческой литературе его называть, типичного для стильных надгробий XVI—XVII вв. К этому же типу относится почерк памятника, датированного 1481—1482 гг., из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на, фотография которого не помещена по техническим причинам.

Чтобы получить представление о языке памятников XV в., рассмотрим несколько текстов.

¹⁷ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. III, З, IX, 14.

¹⁸ История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1951, стр. 236, рис. 148.

¹⁹ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. ХСII, 75.

²⁰ История культуры Древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 385, рис. 182.

²¹ Вообще памятник этот и по своему внешнему виду очень напоминает булгарское надгробие I стиля.